

Глава 1

Не могу поверить, что я здесь. Вернулась после стольких лет. Все это время я представляла, каким будет день моего возвращения в Гамильтон, штат Техас, с воображаемой золотой медалью на шее. Я всегда мечтала, что в мою честь устроят парад. Конфетти, блестящие и дешёвые сладости, осыпающие головы детишек. Или, по крайней мере, рассчитывала на собственный пьедестал, на котором я могла бы возвышаться.

Я безнадежна.

Возможно, за время, которое я потратила на сборы, мама все-таки вытащила какую-нибудь тумбу в холл?

Я слышу, как внизу общаются люди, ожидая меня. Я — почетный гость и причина, по которой над камином висит плакат с надписью: «Добро пожаловать домой, доктор Белл». Вечеринка началась около часа назад, и мама поднимается уже второй раз, чтобы проверить как я.

Относительно.

В первый раз я лежала, развалившись поперек кровати в халате, который не надевала со времен школы.

— Лучше завяжи его, прежде чем спуститься вниз, Дэйзи. Ты же не хочешь, чтобы все увидели, что под ним.

В этот раз я уже одета и стою у окна, торжественно уставившись на двухэтажный дом по соседству.

Его дом.

— Если ты высматриваешь Мэделин, то она уже внизу.

— Ее брата там нет, не знаешь?

Я знаю, что нет. Он в Калифорнии. Но мне нужно услышать это от нее.

— Конечно нет.

Я поворачиваюсь и щурюсь, пока не начинаю верить в то, что она говорит правду. Вот что он делает со мной — заставляет усомниться в собственной матери. Это побочный эффект возвращения в Гамильтон, на наше старое поле сражений. Каждый квадратный метр в этом городе пропитан нашими кровью, потом и слезами.

Однажды под соседским дубом я врзала ему в глаз, когда он сказал, что никто не захочет пойти со мной на выпускной вечер в восьмом классе. Все закончилось тем, что я ушла на танцы под руку с Мэттом Дел Реем, в то время как Лукас остался дома, с прижатым мешочком теплого гороха к лицу.

Я не осталась безнаказанной. После того, как мама узнала о случившемся, она подтолкнула меня прямо к его входной двери, чтобы я извинилась. Неудовлетворенные моим саркастичным «прости», наши мамы решили, что нам нужно обняться. Я помню, как потянула его в сладкие объятия и наши щеки соприкоснулись. Так я могла прошептать угрозу ему на прощание, чтобы наши родители ничего не услышали.

— Если ты еще раз наябедничаешь, я поставлю по синяку под каждым твоим глазом, — прошипела я.

Воспользовавшись положением, он сжал мои ребра, как удав, что наши матери сочли весьма милым.

— Надеюсь, тебя собьет школьный автобус, — прошептал он в ответ.

— Дэйзи? — говорит мама, рассеивая дымку воспоминаний. — Ты готова спуститься? Всем не терпится тебя увидеть.

Я отворачиваюсь от окна и разжимаю кулаки. Этот случай произошел пятнадцать лет назад, но костяшки моих пальцев иногда еще побаливают. Интересно, его глаз тоже?

* * *

Внизу ожидает довольно разношерстная толпа, пришедшая отпраздновать мое возвращение: старые соседи, друзья, преподаватели и даже парень, доставляющий газеты. Я не знаю и половины из них, но, опять же, я не называла Гамильтон домом с тех пор, как одиннадцать лет назад уехала учиться в колледж.

Как только я оказываюсь в поле зрения, все начинают кричать и аплодировать — мама управляет гостями, как дирижер, возглавляя их у подножия лестницы.

— Добро пожаловать домой!

Люди хлопают меня по плечу и чокаются со мной стаканами с напитками. Вообще я не любитель вечеринок, но сегодня мне есть что отпраздновать. Я наконец-то собираюсь исполнить мечту: начать собственную практику. Вот причина, по которой я вернулась в Га-

мильтон и по которой много и усердно трудилась в медицинской школе и ординатуре.

Чтобы избежать распития шотов с бывшим учителем физкультуры, я направляюсь на кухню, где нахожу Мэделин. Она готовит пунш. Я не удивлена, что мама напрягла ее работой, ведь она моя давняя и самая лучшая подруга.

— Я все думала, когда же ты спустишься. Подожди, на тебе что, платье со школы? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Не успела распаковать вещи, но увидела его в шкафу. И приняла вызов.

Она ухмыляется и перекидывает прядь каштановых волос через плечо.

— Ну, сейчас оно соотрится на тебе лучше, чем тогда.

Если бы существовал график идеальных женских тел, то я находилась бы где-то слева от середины — худая и среднего роста. Моя грудь выросла только после школы, в отличие от остальных одноклассниц. И все же, когда наверху я надела это платье и посмотрелась в зеркало в полный рост, меня обрадовало увиденное: я стала своей подростковой мечтой.

— Тебе нужно было подняться, — говорю я.

Она указывает на чашу пунша.

— Твоя мама попросила меня помочь, как только я вошла.

— Предлагаю оставить эту затею и взять бутылку вина. Держу пари, мы успеем полностью осушить ее до того, как кто-нибудь заметит.

— Ты же в курсе, что мы уже взрослые, да? Нам больше не нужно прятать алкоголь.

Я пожимаю плечами и начинаю махать у ее лица бутылкой каберне.

— Да, но так гораздо веселее. Плюс ко всему я заметила доктора Маккормика по пути сюда, и, если он увидит нас, придется болтать с ним весь вечер.

Карие глаза Мэделин расширяются, словно два блюда.

— О, боже! Ты права. Бежим! Я захвачу бокалы.

— Дэйзи!

Звонкий голос матери останавливает нас на полпути. Мои инстинкты говорят бросить бутылку и притвориться, что ничего не произошло, но затем я вспоминаю, что мне уже двадцать восемь лет.

— Смотри, что только что доставили!

Я поворачиваюсь и чуть действительно не выпускаю бутылку из рук. Мама заходит на кухню, держа в руках «бомбу».

— Что. Это? — хриплю я.

— Эти цветы для тебя! — отвечает она, ее лицо светится от счастья. — Смотри, здесь около двух дюжин.

Чтобы быть точной, их было три дюжины. Больших. Белых. Маргариток.

— Выброси их!

— Что? Не будь дурочкой!

Она наполняет вазу водой, наклонившись у раковины. В этот момент я вырываю букет из ее рук, обрызгивая лиф своего платья. Замечательно — теперь я не

только собственная подростковая мечта, но и мечта каждого подростка.

— Дэйзи!

— Нет. Нет. Нет.

Мне требуется сделать три шага, чтобы добраться до задней двери во двор, и четыре, чтобы спуститься по лестнице и наконец-то выкинуть этот букет в мусорный контейнер. И вдруг я замечаю дразнящую карточку, которая выглядывает из выброшенных цветов.

Он никогда не упускал деталей: она бледно-розового цвета, и это окончательно выводит меня из себя.

— Ты собираешься прочитать ее? — интересуется Мэделин.

Она стоит за моей спиной, выглядывая из-за плеча, и смотрит прямо на карточку.

— Нет.

— А вдруг там написано что-нибудь милое?

Я игнорирую ее. Как его сестра, она неосознанно становится на его сторону. Она всегда так делала.

— Как он смог подписать ее? — спрашиваю я.

— Что?

Я пытаюсь держать тон голоса ровным.

— Если он в Калифорнии, как смог написать *это*? — Я указываю на карточку. — Это его почерк.

— Ох, ну...

— Мэделин?

— Я думала, ты знаешь...

— Знаю что? — У меня пересыхает во рту. — Ты думала, я знаю что?

— Он вернулся. Переехал обратно на прошлой неделе. Я действительно думала, что ты знаешь.

И вот так парад в честь меня заканчивается, все, что от него остается, — это конфетти, застрявшие в моих туфлях.

Дело не в том, что я не люблю цветы; я их в целом люблю, но терпеть не могу маргаритки. От них у меня начинается нервная чесотка. Они воплощают в себе то, какой меня хотят видеть другие. Для всех я милая блондинка с большими голубыми глазами. Они бы с радостью оторвали мою голову и посадили ее у себя в саду. Никакая я не маргаритка! Я — доктор. Никогда не хотела, чтобы обо мне так думали, и Лукас знает это лучше, чем кто-либо другой.

После того, как закрываю крышкой контейнер, я тащу Мэделин в свою комнату. Если Лукас вернулся в Гамильтон, я должна знать почему. Как бурундук, собирающий орехи, должна собирать каждую крупницу информации до тех пор, пока щеки не лопнут.

— Мэделин, почему он вернулся?

— Дело в том, что он закончил ординатуру, как и ты, и приехал, чтобы устроиться на работу.

Она избегает моего взгляда.

— Что за работа?

Она нервно сжимает руки.

— К доктору Маккормику...

— Нет! — перебиваю ее я. — Боже, только не это!

Подруга наконец-то поворачивается ко мне, на ее лице читается сочувствие.

— Мне очень жаль, Дэйзи! Я думала, ты знаешь. Почему доктор Маккормик не сказал, что вы будете работать вместе?

Я прикрываю рот рукой и чувствую, как учащается пульс. Начинаю нервно ходить по комнате. Этому должно быть какое-то объяснение. Но факты на лицо: доктор Маккормик владеет единственной семейной клиникой в нашем городе, и до меня дошел слух, что он собирается на пенсию. Его кабинет предназначен только для одного специалиста, и во время последнего года моей ординатуры он сам предложил мне работу. Так какого черта Лукас забыл в этом уравнении?

Я цепляюсь за последний кусочек оптимизма. Может, доктору Маккормику потребовался администратор или, что еще лучше, санитар?

Мэделин преграждает путь, заставляя меня остановиться.

— Ты не думаешь, что настало время оставить все, что было между вами, позади? Прошло уже одиннадцать лет. Вы оба собираетесь стать успешными врачами. Серьезно, вам не обязательно до сих пор ненавидеть друг друга.

Из меня вырывается истерический смех.

— Ох, Мэделин! Мэделин! Мэделин!

— Прекрати повторять мое имя.

— Ты помнишь, как в выпускном классе после инцидента на парковке миссис Бэквит — наш школьный психолог — затащила нас с Лукасом в свой кабинет?

— Нет.

— Нам потребовался всего лишь час, чтобы сломить ее. Она решила сдаться и больше не пытаться перевоспитать нас. Она уволилась в тот же день, переехала в Нью-Йорк и начала заниматься садоводством. Она сказала, что Лукас и я — цитирую ее заявление об уходе — лишили ее веры в будущее человечества.

— Звучит так, будто ты только что это придумала!

— Я знаю твоего брата, возможно, даже лучше, чем ты. Эти одиннадцать лет ничего не значат. Ничего не изменилось. Эти годы дали нашей ненависти окрепнуть и созреть, как с годами созревает хорошее вино или еще лучше — вонючий сыр.

— Разве все это время ты не должна была изучать медицину?

— Ох, поверь мне, я изучала! Я представляла, что все ужасные кожные заболевания, кисты и папилломы, про которые нам рассказывали, есть у Лукаса. Я воображала, что вместо безымянного больного, который участвовал в исследованиях, именно Лукас страдает от всех самых медленных и мучительных болезней. Именно это помогло мне запомнить многое из того, что мы изучали.

— Ты безнадежна.

Она поднимает руки в воздух и направляется к выходу.

— Я собираюсь вниз, развлекаться с твоими гостями. А тебе нужно собраться с мыслями, Дэйзи. Нравится тебе это или нет, но Лукас будет работать с тобой на доктора Маккормика. И я предлагаю тебе начать все с чистого листа. Смотри, что он сделал сегодня.

Она кивает в сторону моей кровати, на которой лежит бледно-розовая карточка. Мэделин успела вытащить ее из контейнера до того, как я чуть не отрезала ей руку, с силой захлопывая крышку. И теперь я жалею, что не пролила кровь.

— Очевидно, что эти цветы — предложение мира.

Какая же она наивная девочка, не познавшая жизни в постоянной вражде.

— Я тебя умоляю, это предупреждающий выстрел.

Она закатывает глаза и выходит, оставляя меня одну в моем «оперативном штабе». Цветы — это секретное послание, его маленькое напоминание, что ничего не изменилось. Для всех остальных букет — добрый жест. Они не могут видеть подтекст — издевку, а именно это Лукас и имеет в виду.

Я смотрю на карточку, затем на открытую дверь. Я собираюсь прочесть записку, но слышу, как мама кричит, чтобы гости пользовались подставками. А то они не знают. Поэтому я подхожу к двери и закрываю ее.

Чтобы не передумать, быстро смотрю на карточку. Из-за его острого почерка мне приходится прищуриться.

*У роз красный цвет,
А ты как маргаритка.
Вернулась? Я тоже.
Лови мою открытку.*